

О проблеме формирования раннехристианской художественной традиции в Херсонесе IV-V вв.

Фомин М. В.

В статье автор рассматривает вопрос формирования раннехристианской художественной традиции в Херсонесе. На территории Херсонесского городища и его некрополей сохранилось ряд памятников христианского искусства IV века. Анализ этих памятников позволяет проследить процесс формирования художественной традиции. Аналогии среди памятников Сирии и Палестины подтверждают, что христианская община формировалась под влиянием ближневосточных христиан.

Ключевые слова: христианство, искусство, фреска, мозаика, росписи, склепы.

Вопрос происхождения христианского искусства сохраняет дискуссионность, несмотря на множество фундаментальных работ и внимание со стороны значительного количества ученых. Традиционно сложилось представление, что оно зародилось в Риме. Обилие памятников привело к рождению научных школ и целой плеяды исследователей [2, с. 71-111]. Но революционные открытия в Дура-Европос во многом изменили сложившиеся представления [44; 22]. Возник новый тезис – христианская художественная традиция сформировалась на Востоке [45; 22; 36, с. 20-35]. Дж. Х. Брестед, первым опубликовавший фрески Дуры, указывал, что открытые памятники являются предшественниками византийского искусства [42, р. 189]. Данный тезис неоднократно звучал и впоследствии [37, с. 145, 183; 21, с. 12]. Ближний Восток стал территорией быстрого распространения христианства уже в первые века, о чем сохранились свидетельства в книгах Нового Завета, апокрифических и гностических текстах. Упоминают об этом и позднейшие труды по церковной истории, агиографические источники, свидетельства нехристианского происхождения [3, с. 253-258; 7, с. 122-124; 4, с. 58-72; 23, с. 79-81].

Особую роль в исследовании раннехристианской художественной традиции может играть Херсонес Таврический. За почти 200 лет

исследований накоплена значительная коллекция памятников искусства, относящихся к периоду формирования христианской художественной традиции. Среди уникальных находок необходимо выделить росписи херсонесских склепов, фрески и мозаику ранней церкви, стоявшей на месте «Базилики 1935 г.». По своему значению они могут быть поставлены в один ряд с росписями Римских катакомб и фресками Дура-Европос.

В III–IV вв. город сохранял тесные торговые и культурные связи с северными областями Малой Азии [38, с. 55-56; 39, с. 28. 16, с. 57-59]. Торговые пути в свою очередь способствовали распространению новых религиозных течений, культурному диалогу. Значительную роль в процессе знакомства с новой религией сыграли и готские набеги на Малую Азию в 60-е гг. III в. Они привели к переселению в Северное Причерноморье значительного количества людей, среди которых было немало христиан.

Единственный известный сегодня источник, повествующий о процессе христианизации города – Жития епископов херсонесских [17; 6; 20]. Тексты однозначно констатируют связь херсонесских христиан с Ближневосточным регионом. Об этом также свидетельствует факт почитания в Херсонесе святого Фоки (+ 117 г.) из Синопа и св. воина Феодора Стратилата, пострадавшего в Гераклее (+ 319 г.) [40, с. 27-28; 5, с. 30-31]. Малоазийское происхождение христианской общины повлияло на формирование художественной традиции.

На территории херсонесского городища и его окрестностей были открыты уникальные памятники монументального искусства, относящиеся к IV в., времени становления Церкви в городе. Наиболее полно изученной и многократно рассмотренной в историографии является погребальная живопись херсонесских раннехристианских склепов. На сегодняшний день открыто 13 погребальных сооружений, содержащих росписи.

М. И. Ростовцев, опираясь на нумизматический материал, датировал памятники второй половиной IV – началом V вв. [26, с. 451, 457, 462, 469, 503-507]. Позже эту дату поддержали П. Д. Диатроптов [8, с. 34-36], Л. Г. Хрушкова [35, с. 168-194], И. А. Завадская [12, с. 258-228]. А. Е. Филиппов относит их к концу III – IV вв. [32, с. 318]. Мнение о более позднем создании расписных склепов – не ранее второй половины V–VI вв. – отстаивал В. М. Зубарь [15, с. 158-163].

Комплексное исследование системы росписи и находок, сделанных внутри самих склепов, позволяет поставить точку в споре и констатировать, что катакомбы функционировали довольно узкий промежуток времени, с середины IV в. до первой половины V в. [29; 30, с. 40; 33, с. 95-113].

Не меньший интерес представляют художественные памятники ранней «Базилики 1935 г.», отождествляемой рядом авторов с церковью, построенной св. еп. Эферием [33, с. 49-51]. А. Л. Якобсон, опираясь на приведенные Е. Н. Жеребцовым [11, с. 139-150] стратиграфические данные раскопок, пришел к выводу, что фрески ранней «Базилики 1935 г.» относятся к IV–V вв. [41, с. 96-103]. И. А. Завадская относит фрески и мозаику «южного нефа» к одному помещению и датирует их концом IV в. [13, с. 94-105]. Мозаика «Базилики 1935 г.» близка по стилю и художественным приемам мозаикам более поздних храмов [18, с. 142-150]. Сюжеты фресок, а также техника выполнения, близки художественной традиции склепов и являются результатами работы единой художественной школы.

Система росписи херсонесских христианских памятников включает «Инкрустационный» стиль, имитирующий отделку мрамором (склепы 1853 г.; 1894 г.; 1903 г.; 1905 г.; 1907 г.; № 1 1998-1999 гг. (6 из 12); фрески ранней «Базилики 1935 г.»). Символическое изображение плит передается прямоугольниками, в которые вписаны ромбы или круги. Происхождение данного стиля можно связать с эллинистическим Востоком [9, с. 256, 272]. Кроме того, интерес представляет «Цветочный» стиль, который предполагает изображения листьев, цветов, деревьев, гирлянд, виноградной лозы, растительных узоров (присутствует фактически во всех известных памятниках). Происхождение стиля относят к эллинистическому Египту [9, с. 262].

Формирование данной традиции может быть соотнесено с представлениями о Царствии Небесном. Ближневосточная культура породила восприятие Рая как вечноцветущего сада: «... насади Бог рай на востоке...» (Быт. 2:8). Наиболее ранние литературные описания Рая, апокриф «Апокалипсис Петра» [24, с. 215-217] (составлен не позднее 170 г. [19, с. 300-303]) и поэма св. Ефрема Сирина (306-372/73) «О рае» [10, с. 258-297], во многом повторяют друг друга. Архитектурные особенности и система росписи раннехристианских памятников перекликается с образами Рая из литературных произведений.

Так, образ «двери», который встречается у св. Ефрема, отражен во входах в склепы 1853 г., 1905 г., «на земле Н. И. Тура». В склепе 1853 г. одна из локул отделялась плитами, на которых были изображены плодовые деревья, в самой нише на стене изображен венок как символ победы над смертью. Росписи согласуются с шестой главой поэмы св. Ефрема. В росписях склепов 1853 г., 1905 г., 1909 г. присутствуют образы Евхаристической трапезы.

Система декоративного убранства внутреннего пространства «Базилики 1935 г.» также отвечает этой традиции: растительные гирлянды, среди которых помещены птицы, напольный мозаичный ковер, окаймленный плющом, изображение чаши с произрастающим из нее виноградом, канфар. Вся система внутреннего декоративного убранства была выполнена в единой концепции.

Среди сюжетов, распространенных в раннехристианском искусстве, значительный интерес представляют изображения птиц. Образ птицы часто встречается в Новом и Ветхом Заветах. В образе голубя Святой Дух снизошел на Спасителя во время Крещения. По окончании потопа (Быт. 8:11) именно голубь нашел землю и возвратился с масличной ветвью. Христос в проповедях часто обращался к образу птиц: «Взгляните на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницу; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 10:29). Птицы выступают как символ духовного начала, они образ «смирненной и боголюбивой души». В раннехристианских изображениях особое место занимают павлины. Согласно эллинистическим представлениям, павлин был символом бессмертия [1, с. 13], основанием для этого послужило представление о нетленности плоти этой птицы [31, с. 199-201]. Павлин мог выступать в качестве символа Воскресения. Образ павлина часто согласуется с образами рая — пальмовыми ветвями, цветами, гирляндами [31, с. 202-203], но особенно стоит отметить композицию с павлинами, расположенными симметрично вокруг объекта (гирлянды – склеп «на земле Н. И. Тура», вокруг чаши – мозаики загородного храма Богородицы Влахернской, вокруг сосуда – сирийские мозаики). Основой изображения является горизонтальная, зеркально-симметричная, трёхчастная композиция с центральным элементом, в которой крайние элементы подчеркивают значимость центрального. Мотив павлинов, пьющих или вкушающих из чаши или стоящих по сторонам от неё, несет образ Евхаристии. Павлины, несущие гирлянду («склеп на земле

Н. И. Тура»), могут символизировать Воскрешение как победу над тленом, над смертью.

В некоторых склепах встречаются изображения людей (склепы 1853 г., 1894 г., 1909 г., «на земле Н. И. Тура», № 2 1998-1999 гг.). Техника их начертания, композиции фигур наталкивают на аналогии с росписями Дура-Европос [44; 36, с. 20-35]. В ряде склепов (1853 г., 1907 г., «на земле Н. И. Тура» и «Склепе Аристон») присутствуют изображения хризмы.

Сохранившийся фрагмент мозаики ранней «Базилики 1935 г.» (IV в.) включает изображение канфара и виноградной лозы, растительных узоров [18, с. 142-150]. В византийских херсонесских мозаиках (традиционно датируемых VI–VII вв.), как и в более ранних росписях, преобладают орнаментально-символические мотивы, образы птиц, цветов, винограда, изображения чаш, канфаров, геометрических символов, состоящих из вписанного в прямоугольник ромба, а в ромб круга.

Истоки художественной традиции, лежащей в основе херсонесской школы, имеют свои аналогии. Так, «мастерские Антиохии, долго сохранявшие античные традиции, были главным художественным центром, передававшим эти традиции другим землям христианского Востока» [34, с. 61]. Мозаики Херсонеса-Херсона имеют множество аналогий с мозаичными композициями христианских комплексов Сирии [18, с. 142-150]. Даже беглый взгляд позволяет проследить прямое сходство с мозаичными изображениями из музеев городов Маара и Апамея (Северная Сирия). Их собрание составляют мозаики из «мертвых городов», расположенных на севере Сирии между Алеппо и Хамой [43, р. 1-6]. А. Е. Филиппов проводит параллель херсонесских мозаик и памятников Палестины и Ливана, таких как мозаики церкви в Табге, возведенной на месте чуда умножения хлебов, мозаичный пол ливанской церкви в Бет-Мери [34, с. 60-61]. Аналогия распространяется не только на иконографию, но и на стилистику изображений.

Анализ сюжетов, элементов, из которых они сформированы, приемов указывает на определенное семантическое и эстетическое соответствие херсонесских изображений с раннехристианской традицией Ближневосточного региона. В некоторых случаях можно говорить о тождестве сюжетов, многие композиции составлены на основании неких «стандартных прописей» [18, с. 142-150]. Это

вполне закономерно, если учесть пути проникновения христианства в город.

В позднеантичную эпоху привнесенная на херсонесскую почву художественная система получила распространение в погребальной живописи, фресковых росписях и напольных мозаиках. Необходимо отметить, что существующие на сегодняшний день памятники позволяют констатировать, что данная традиция сохранилась и получила свое развитие в напольных мозаиках позднейшего времени. Морфологическая близость элементов композиций позволяет допустить существование определенной художественной школы, использовавшей «прориси», некие стандартные наборы изображений, из которых формировались сюжеты, возможно, привезенные из ближневосточного региона.

Примечания

1. Белова О. В. «Физиолог» древнейшей редакции: к истории изучения и публикации / О. В. Белова // Физиолог александрийской редакции. – М., 1990. – С. 3-28.
2. Беляев Л. А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение / Л. А. Беляев. – СПб., 2001. – 576 с.
3. Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви / В. В. Болотов. – К., 2007. – Т. 2. – 474 с.
4. Бонгард-Левин Г. М. Распространение христианства на Востоке (в свете исследования памятников Дура-Европос) / Г. М. Бонгард-Левин, В. А. Гаилов, Г. А. Кошеленко // ВДИ. – 2005. – № 3. – С. 58-72.
5. Византийский Херсон: Каталог выставки. – М., 1991. – 568 с.
6. Виноградов А. Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...» Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики / А. Ю. Виноградов. – М., 2010. – 224 с.
7. Дворкин А. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. / А. Дворкин. – Нижний Новгород, 2005. – 924 с.
8. Диатроптов П. Д. Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов / П. Д. Диатроптов // Церковная археология южной Руси. Сборник материалов международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). – Симферополь, 2002. – С. 34-36.
9. Эрнштедт Е. В. Монументальная живопись Северного Причерноморья / Е. И. Эрнштедт // Античные города Северного Причерноморья. – М.-Л., 1955. – Т. 1. – С. 248-285.
10. Ефрем Сирий Творения. В 5 тт. – М., 1989. – Т. 4. – 364 с.

11. Жеребцов Е. Н. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. Замечания к археологической ситуации / Е. Н. Жеребцов // Очерки по истории христианского Херсонеса. – СПб., 2009. – С. 139–150.
12. Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов / И. А. Завадская // МАИЭТ, 2005. – Вып. 11. – С. 258–288.
13. Завадская И. А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «базилика 1935 года» в Херсонесе / И. А. Завадская // МАИЭТ, 1996. – Вып. 5. – С. 94–105
14. Зинько Е. А. Раннехристианский Боспор (III – VI вв.): дис. канд. ист. наук. – Симферополь, 2003. – 240 с.
15. Зубарь В. М. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.) / В. М. Зубарь, А. И. Хворостяный – К., 2000. – 179 с.
16. Кадеев В. И. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам Херсонеса) / В. И. Кадеев, С. Б. Сорочан. – Харьков, 1989. – 164 с.
17. Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских: Исследования и тексты / В. В. Латышев // Императорская российская академия наук. Историко-филологическое отделение. Записки. – Т. 8. – № 3. – СПб., 1906. – С. 1–81.
18. Литовченко А. Н. Сирийские мотивы в раннехристианском искусстве Херсонеса–Херсона / А. Н. Литовченко, М. В. Фомин, А. Г. Чекаль // Сугдейский сборник. – Вып. V. – Киев – Судак, 2012. – С. 121–133.
19. Мецгер Б. М. Канон Нового Завета / Б. М. Мецгер. – М., 1998. – 364 с.
20. Могаричев Ю. М. Жития епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического / Ю. М. Могаричев, А. В. Сазанов, Т. Э. Саргсян, С. Б. Сорочан, А. К. Шапошников // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. – Харьков, 2012. – Т. 1. – 416 с.
21. Овчинников А. Н. Символика христианского искусства / А. Н. Овчинников. – М., 1999. – 520 с.
22. Парфянский выстрел / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. – М., 2003. – 760 с.
23. Поснов М. Э. История христианской Церкви (до разделения церквей – 1054) / М. Э. Поснов. – Брюссель, 1964. – 614 с.
24. Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства / А. Б. Ранович. – М., 1990. – 468 с.
25. Рішняк О. Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень / О. Рішняк, О. Садова, Є. Туровський, А. Філіпенко. – Львів, 2012. – 124 с.
26. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России / М. И. Ростовцев. – СПб., 1914. – 508 с.

27. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас / М. И. Ростовцев. – СПб., 1913. – 148 таб.
28. Толстиков В. П. Древнейший символ христианства на Боспоре / В. П. Толстиков, Д. В. Журавлев // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. – К., 2002. – С. 51–56.
29. Туровский Е. Я. Отчет об археологических исследованиях участка некрополя Херсонеса у загородного храма в 2006 г. / Е. Я. Туровский, А. А. Филиппенко // НА НЗХТ. – Д. № 3856. – 36 л.
30. Туровский Е. Я. Участок херсонесского некрополя у загородного храма Богородицы Влахернской: некрополь святых? / Е. Я. Туровский // Херсонес – город святого Климента. Тезисы и сообщения VI Международной конференции по Церковной археологии (Севастополь 12–18 сентября 2011). – Севастополь, 2011. – С. 40.
31. Уваров А. С. Христианская символика / А. С. Уваров. – М., 2001. – 212 с.
32. Филиппов А. Е. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа / А. Е. Филиппов // Очерки по истории христианского Херсонеса / отв. ред. С. А. Беляев. – СПб., 2009. – С. 193–322.
33. Фомин М. В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.) / М. В. Фомин. – Харьков, 2011. – 290 с.
34. Хеллу Н. Мозаики V–VI веков в Ливане / Н. Хеллу // Панорама искусств. – М., 1985. – Вып. 8. – С. 54–68.
35. Хрушкова Л. Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) / Л. Г. Хрушкова // ВВ. – 2004. – Т. 63 (88). – С. 168–174.
36. Чаковская Л. С. Воплощенная память о Храме: художественный мир синагог Святой Земли III – VI вв. н.э. / Л. С. Чаковская. – М., 2011. – 368 с.
37. Чубова А. П. Античная живопись / А. П. Чубова, А. П. Иванова. – М., 1966. – 290 с.
38. Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор / Д. Б. Шелов // ВДИ. – 1983. – № 2. – С. 40–59.
39. Шелов Д. Б. Колхида в системе панпонттикой державы Митридата VI / Д. Б. Шелов // ВДИ. – 1980. – № 3. – С. 40–59.
40. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса I–VI вв. / С. П. Шестаков // ПХХ. – СПб., 1908. – Вып. 3. – 142 с.
41. Якобсон А. Л. К изучению фресок из южного базилики 1935 г. / А. Л. Якобсон // ВВ. – 1980. – Т. 41. – С. 96–104.
42. Breasted J. Oriental Forerunners of Byzantine Painting / J. Breasted. – Chicago, 1924. – 140 p.

43. Hadjar A. The Church of St. Simeon the Stylite and other archaeological sites in the mountains of Simeon and Halaqa / A. Hadjar. – Damascus, 1995. – 340 p.
44. Rostovtzeff M. I. Dura – Europos and its Art / M. I. Rostovtzeff. – Oxford, 1938. – 180 p.
45. Strzygowski J. Orient oder Rom: Beiträge zur Geschichte der Spätantiken und Frühchristlichen Kunst / J. Strzygowski. – Leipzig, 1901. – 164 p.

Fomin M. V. About the issue of formation of early Christian art tradition in Chersonesos IV-V centuries.

In the article considers the question of formation of early Christian art tradition in the Chersoneses. On the territory of Chersonesos and its cemeteries been preserved series of monuments of Christian art IV century. Analysis of these monuments allows us to follow process of formation artistic tradition. Analogues among the monuments of Syria and Palestine confirm that the Christian community was formed under the influence of Middle East Christians.

Keywords: Christianity, art, frescoes, mosaics, paintings, tombs.

Фомін М. В. Про проблему формування ранньохристиянської художньої традиції в Херсонесі IV-V вв.

У статті автор розглядає питання формування ранньохристиянської художньої традиції в Херсонесі. На території Херсонеського городища і його некрополів збереглося ряд пам'яток християнського мистецтва IV століття. Аналіз цих пам'яток дозволяє простежити процес формування художньої традиції. Аналоги серед пам'яток Сирії і Палестини підтверджують, що християнська громада формувалася під впливом близькосхідних християн.

Ключові слова: християнство, мистецтво, фреска, мозаїка, розписи, склепи.

УДК 904:[393.95:636.1](477.6)"09/12"

Поховання пізніх кочівників із цілим кістяком коня в басейні середньої течії Сіверського Дінця

Харламова А. О.

Стаття присвячена проблемі типології пізньокочівницьких поховань. Автор приходить до висновку, що при розробці типології слід звернути увагу не лише на орієнтування кістяка та наявність або відсутність кісток коня, але і на ступінь цілісності кінського кістяка, наявність дерев'яних конструкцій та супроводжуючої їжі, багатство інвентаря, а також критично підходити до археологічних матеріалів попередніх дослідників, роблячи поправку на недосконалість методики розкопок.

Ключові слова: пізні кочівники, підвійні поховання, домовина-колода, типологічний ряд.

Типологію поховань пізніх кочівників X–XIII ст. вчені почали розробляти ще в 1960-х рр., однак і нині це питання залишається актуальним. Найбільш повною на сьогодні є типологія Г. О. Федорова-Давидова, який в її основу поклав орієнтування кістяка та наявність або відсутність кісток коня [8, с. 123]. У кожному з цих відділів Г. О. Федоров-Давидов виділив по кілька типів.

На сьогодні зрозуміло, що така типологія досить громіздка і не відображає всього розмаїття пізньокочівницьких поховань. Напевно, слід брати до уваги й інші ознаки: ступінь цілісності кінського кістяка, наявність дерев'яних конструкцій та супроводжуючої їжі, багатство інвентаря тощо. Варто також розглядати поховання пізніх кочівників у межах окремих регіонів, адже відомо, що кожен етнос у давнину займав свою екологічну нішу. Мешканцям Лісостепу було недоцільно завдяки власній кліматичній специфіці займатися таким же типом господарювання, як і мешканцям Степу. В умовах переселення люди намагалися зайняти території з такими ж кліматичними умовами, як і у себе на батьківщині. Це накладало свій відбиток на тип поховального обряду. Басейн середньої течії Сіверського Дінця, який охоплює південь Харківщини, північ Донеччини та Луганську область, – це межа між Степом